

Андрей Белянин

Трилогия

«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»

«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»

«СВИРЕПЫЙ ЛАНДГРАФ»

«ВЕК СВЯТОГО СКИМИНОКА»

Дилогия

«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»

«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»

«СЕСТРЁНКА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ»

«ДЖЕК СУМАСШЕДШИЙ КОРОЛЬ»

«РЫЖИЙ И ПОЛОСАТЫЙ»

«РЫЖИЙ РЫЦАРЬ»

«ВКУС ВАМПИРА»

«ОХОТА НА ГУСАРА»

«ДЕМОН ПО ВЫЗОВУ»

«МОЦАРТ»

«СОТНИК И БАСУРМАНСКИЙ ЦАРЬ»

Дилогия

«КАЗАК НА ТОМ СВЕТЕ»

«КАЗАК В РАЮ»

«КАЗАК В АДУ»

Трилогия

«ААРГХ»

«ААРГХ»

«ААРГХ В ЭЛЬФЯТНИКЕ»

«ААРГХ НА ТРОНЕ»

С Христо Поштаковым (перевод и редакция)

«МЕЧ, МАГИЯ И ЧЕЛЮСТИ»

«ГАСИ АМЕРИКУ!»

С Карен Махони (перевод и редакция)

«ТЕНЬ КОТА-ВАМПИРА»

Сериал

«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»

«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»

«ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ»

«ОТСТРЕЛ НЕВЕСТ»

«ДЕЛО ТРЕЗВЫХ СКОМОРОХОВ»

«ОПЕРГРУППА В ДЕРЕВНЕ»

«ЖЕНИТЬСЯ И ОБЕЗВРЕДИТЬ»

Трилогия

«БАГДАДСКИЙ ВОР»

«БАГДАДСКИЙ ВОР»

«ПОСРАМИТЕЛЬ ШАЙТАНА»

«ВЕРНИТЕ ВОРА!»

Цикл

«ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»

«ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»

«КОЛДУН НА ЗАВТРАК»

«ХВАТАЙ ИЛОВАЙСКОГО!»

«ПАСТУХ МЕДВЕДЕЙ»

Стихи

«ЛАНА»

В соавторстве с Галиной Черной

«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБОРОТЕНЬ»

«КАНИКУЛЫ ОБОРОТНЕЙ»

«ХРОНИКИ ОБОРОТНЕЙ»

«ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБОРОТНЕЙ»

«ИСТОРИИ ОБОРОТНЕЙ»

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБОРОТНЕЙ»

«ЛАЙНЕР ВАМПИРОВ»

«ВСЕ АРЕСТОВАНЫ!»

С Пламеном Митреввым (перевод и редакция)

«ВЕСЛОМ ПО ФЬОРДУ!»

Андрей Белянин и его друзья

«КАЗАЧЬИ СКАЗКИ»

«ДНЕВНИК КОТА С ЛИМОНАДНЫМ ИМЕНЕМ»

«ЧЕГО ХОТЯТ ДЕМОНЫ»

«АНГЕЛ БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ»

«НЕ НАДО, АЗРИЭЛЛА!»

Андрей Белянин

СОТНИК И БАСУРМАНСКИЙ ЦАРЬ

Роман

Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Художник
И. Воронин

Белянин А. О.
Б43 Сотник и басурманский царь: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 282 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1525-0

Задумал как-то басурманский царь себе гарем обновить. И отправил он своих лучших воинов на Русь. Ну, те сразу-то с задачей не справились и позвали на подмогу злую ведьму с чертями и разбойников лесных. Кстати, Баба-яга тоже в сторонке не осталась. Вот тут-то всё и завертелось, тут-то всё и началось... Казаки прыгнули на коней — и в погоню за разбойниками! А хитрые басурмане тем временем наворовали русских красавиц, да и домой повернули, только вот, на свою беду, позарились на жену и дочерей казачьего сотника. Он, ясное дело, им этого не простил! Заручился советом Бабы-яги, да и встал поперёд дороги с шашкой самого Степана Разина — один против всех!

Но ить недаром люди говорят: казаков много не бывает — но и мало не покажется!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Белянин А. О., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013
ISBN 978-5-9922-1525-0

СОТНИК
и басурманский царь

Было то или не было, честно говоря, я уже и сам толком не помню. Вроде как мой дед мне про это рассказывал, а ему его дед, стало быть, дело давнее. Однако ж навряд ли как и по сей день актуальное! А потому расскажу-ка я вам, братцы, сказку старую, казачью, астраханскую, где смешную, где грустную, а отдельными местами и совсем неполиткорректную, но...

Не будем раньше времени с извинениями кланяться, нехай на нас потом в Страсбургский суд подадут, а нам полно языком зазря молоть, пора сказку сказывать...

На земле нашей, астраханской, на границе с лютым Кавказом, коварной Персией да хищной Хивой, уже почти три столетия живут казаки. Приказом царским с Дона да Терека переселённые, здесь обженились, хозяйством обзавелись, станицы поставили, церкви построили, ну и службу государеву несли, как положено.

Астрахань-то наша, белый город, Кремлём златоглавым украшенная, на самой окраине России-матушки стоит. Добрым людям завсегда ворота открыты, а злые об её башни неприступные не раз зубы волчьи ломали. Сами астраханцы — народ работающий, осетра да белугу добывали, икру чёрную к столу императорскому ставили, арбузы огромные выращивали, а меж собой

со всяким народом дружбу водили. Калмыки овец да коней пасли, татары лавки с тканями открывали, караваны водили, армяне широкую торговлю вели, греки кофейни строили, и никому обид и урону не было. Покуда лихой набег не случался...

Налетали из широкой степи бешеные всадники с пустынь да с гор, хватали людей без спросу, без разбору и навеки в полон уводили, на невольничий рынок. Не только русских, а и своих единоверцев грабили. Тут только одна надежда, что услышат казаки слово грозное: «сполох!», прыгнут на верных коней, догонят врага, да и отметелят так, чтоб впредь неповадно было! Вот про то и сказка наша будет...

Про толстого султана басурманского и войско его чёрное, про ведьму злую да чертей-прислужников, про Бабу-ягу хитрую, про разбойников, про простого казачьего сотника да дочку его малую, про войну и любовь да про землю нашу русскую...

...Высоко в небе синем горит-палит яркое степное солнышко. От края до края чист горизонт, только окоём маревом золотым колеблется. Август месяц, жара смертельная, а по выжженной земле идёт-бредёт невольничий караван. Верблюды, поклажей гружённые, кони в мыле, всадники на них, словно хищные коршуны, сидят, русских пленниц перед собой бичами гонят...

— Абдулла, пить хочешь, э?

— Пить хочу, вина хочу, зарезать кого-нибудь тоже хочу, очень! — С этими словами один из всадников, чернобородый, с кривой ухмылкой и редкими зубами, принял из рук товарища кожаную флягу.

Измученные девушки смотрели, как жадно он пьёт, а вода льётся ему по шее на грудь...

— Что встали, ослицы?! — взмахнул бичом второй всадник. — Пошли давай, быстро!

— Эй, Мамбек, — со вздохом подозвал начальника охраны пожилой басурманин, хозяин каравана. — Уйми своих воинов, они опять портят мой товар!

Плечистый батыр, в богатых доспехах, с лицом загорелым до черноты, только громко рассмеялся в ответ:

— Ничего, Бекул-ага, смирнее будут...

— Но кто купит избитую до крови красавицу? Говорю тебе, урезонь своих людей. Наш господин берёт себе в гарем только самое свежее и лучшее!

— Так мы и добыли ему десять лучших девушек! Посмотри, как они хороши, как горят их глаза, а то, что их немножко побили... Сами виноваты! Зачем сопротивлялись, да?

— Пусть твои джигиты лучше смотрят по сторонам!

— И кого же нам бояться, разбойников?! Никто не смеет противиться нашим клинкам!

Бекул-ага промолчал. Будучи опытным работорговцем, перенявшим семейную традицию от отца и деда, он прекрасно знал, когда надо уступить, а когда проявить власть. Сейчас им не стоило ссориться, а вот когда караван покинет проклятые волжские степи, тогда, в родной пустыне, он разберётся с этим молодым наглцом...

— Что ты всё время озираешься, старик?

— Мы идём по казачьей земле.

— Казаков мало, они побоятся напасть на нас. Мой отец всегда смеялся над ними!

— Да, он был весёлый человек. Поэтому и остался лежать в этих степях навечно...

— Не будь ты седым, Бекул-ага, я бы наказал тебя за такие слова о моём отце, — с раздражением прошипел начальник охраны и вдруг замер.

Прямо перед ними из-за невысокого холма выехал всадник на рыжем коне. Белая гимнастёрка, синяя фуражка, штаны с жёлтыми лампасами, на поясе шашка, погоны серебряные, усы рыжие, а глаза строгие...

— Казак? Ка-за-аки-и!!! — не своим голосом взвыл мудрый работорговец, нахлёстывая своего коня плетью.

— Куда, старый трус?! — презрительно фыркнул Мамбек, хватаясь за рукоять дамасской сабли. — Где ты видишь казаков? Он всего лишь один!

— Вот вы и разберитесь с ним, — не оборачиваясь, прокричал Бекул-ага. — А я пока подожду. Где-нибудь в тени. Подальше отсюда, да...

— Убьём его! — Шесть кривых клинков взлетело в воздух.

А казачий сотник только коня каблуками пнул, нагайку в правую руку взял да и поскакал на врага. Один на всех! Да ему-то что — врагов бьют, а не считают. Смысл заранее париться? У нас говорят: сначала побьём, потом разберёмся!

Казачья нагайка не коня хлестать, она для боя предназначена. Из двенадцати ремней плетённая, а на конце пуля свинцовая — раз по башке прилетит, так и не копошись, пыль степную нюхай и не высовывайся, коли добавки не хочешь...

Первого — свалил в висок, второму — по чалме, третьему — все зубы выбил, четвёртого за ногу поймал да из седла на пятого кинул, а у шибко храброго Мамбека его же саблю отобрал, на коне развернул, да и по заднице от души отшлёпал!

На колени пали басурмане, пощады просят, кто над девицами да детьми изгаляться привык, того в настоящем бою не ищи, такие всегда друг за дружку прячутся.

— Ушёл, зараза, — глянув из-под руки, решил сотник, видя, как тает на горизонте облачко пыли вслед за

лошадью сбежавшего работорговца. — Ничего, в другой раз всё одно поймаю!

Спрыгнул с седла, разрубил шашкой верёвки пленниц да этими же верёвками басурман в один букет увязал. А девки ему уж и в ноги кланяются, плачут от счастья, благодарят казака за спасение...

— Спасибо, дяденька-а!

— Сами-то откуда будете?

— С Волги, станичник! Кто с Астрахани, кто с села, кто с хутора...

— До дома-то доберётесь?

— Доберёмся, дяденька!

— Вот и ладушки, — улыбнулся сотник. — Разберите лошадок басурманских, да и двигайте на закат. У меня ещё служба не закончена...

— А с этими что делать? — Девушки грозно топнули ногой на связанных басурман.

— Да что хотите, не убивать же...

Прыгнул сотник в седло и поехал своей дорогой.

А пленницы на врагов своих посмотрели, посоветались да всей толпой дружно и накинулись! И пяти минут не прошло, как возвращался в родные края отбитый караван, смеялись астраханские девчата, подгоняя верблюдов, осликов да боевых коней. А в широкой степи по раскалённому песочку, ругаясь, прыгали связанные цепочкой басурмане — все как есть в одних исподних штанах! И руки не развяжешь, и не почешешься, и солнце палит нещадно, и до родных аулов им в такой связке как раз только к Рамадану и допрыгать. Если суслики не съедят да тушканчики не зашекочут...

— Какого шайтана мы вообще попёрлись в русские земли?! Вай дод, какие они негостеприимные!

— Это нас Мамбек сманил! Грабили бы себе спокойно на больших дорогах...

— Молчите, дети шакалов! Я хотел, чтоб вы стали на

стезю праведности! Не разбойничать, подобно волкам, а честно охранять караваны...

— Ну вот и наохранялись! Надо было бежать, как мудрый Бекул-ага...

— Он старый трус! Мой отец всегда говорил, что...

— Вай мэ! Заткнись уже со своим папой!

— Я заткнись?!

— Бейте его, мусульмане-э!!!

Уж чем там у них мордобойное дело закончилось, достоверно неведомо. Знаю лишь, что больше ни о банде Мамбека, ни об одноимённом «охранном агентстве» никто в наших краях не слышал. Да и кому они, по сути, интересны, так, проходящие персонажи...

А хитрый старый работоровец гнал и гнал коня до самого Басурманского султаната. Там уже отдышался, опомнился, в ближайшей чайхане запрещенным вином отпоился, нервозность притупил и твёрдо решил, что с беспределом казачьим надо что-то делать. Сколько можно на его караваны нападать, пленников отбивать, так и вообще скоро вся работорогвя на корню завянет, и как дальше жить прикажете, э?!

Ну, выпил он, видать, лишнего и притупил неслабо, потому что за справедливостью пошёл во дворец самого султана! А басурманский султан, Халил его звали, был человеком суровым, большим да толстым и по-своему даже общительным. Принимал ласково, персиками угощал, халвой делился, но чуть что не по нему, сразу голову с плеч рубить! Да и чего похуже мог отчекрыжить, не постеснявшись. Восточный деспот, сами понимаете, они там все такие...

И вот идёт премудрый Бекул-ага, бородёнкой трясёт возмущённо, глазки от пыли да алкоголя соловенькие уже, но себя кулаком в грудь стучит несильно,

чтоб не ушибиться, и всё громче на проклятых казаков управы требует. Подошёл он к султанскому дворцу — высоченное здание, этажей в пять будет, ей-богу! Дал стражникам по монетке, чтоб в предбаннике не томили, да и шасть внутрь. Благо в тот день у государя особых дел не было, и как ему визири доложили про визит с последствиями, он сразу ножками засучил:

— Работорговец, гаваришь, да? Жён мне хател новых привезти, а ему не дали? Очень интересная история. Паучительная история, прямо записать нада. Ну зови, зови его, всё сам хачу послушать. Э-э!

Стражники копыя раздвинули, и пал к ногам владыки на пёстрый восточный ковёр горько обиженный в России честный работорговец. Без стыда крокодилыми слезами обливается, на груди рубашку рвёт, по чалме кулаками стучит, сам себе щёки осторожно царапает и стенает дюже жалостливо, на персидский манер:

— Вай мэ, вай мэ! Совсем меня, сироту, ограбили, товар отняли, чести лишили-и...

— Слушай, пагади, а? — султан поморщился. — Давай ещё раз, медленна. Ты сирота?

— Мне шестьдесят два года, о владыка неба и земли! Конечно, сирота уже...

— А как тебя чести лишили?!

— Э-э... это образное выражение, фигура речи. Ограбили меня!

— А, эта я понял уже... Что у тибя отобрали, сирота шестидесятидвухлетняя?

— О, опора праведных и бич всяких меньшинств, — продолжая кланяться, старый хитрец потихоньку-потихоньку подползал поближе к трону, — я укра... купил! Купил тебе в гарем целых деся... двенадца... двадцать и восемь, двадцать девять роскошных русских красавиц! С телом белым, как снег, с волосами золотыми, как солнце, с ресницами длинными, как... как не

знаю что, но ты представил да? То есть очень все такие симпатичные! И добрые, главное, да, сами умоляли меня их купить, так хотели лицезреть тебя, о мой повелитель! Веришь, нет?!

— Верю, верю, да, — с интересом поёрзал на подушках султан Халил. — Придставил уже себе всё такое в объёмах и красках. А пачему ты их мне не привёз?

— А потому что — казаки!

— Зачем так кричишь, э? Где казаки?

— Там. — Бекул-ага неопределённо показал рукой сначала на север, потом на юг и на всякий случай, до кучи, на запад. Показал бы и на восток, но там сидел султан, и махать руками в его сторону было чревато...

— Везде казаки! Их было целых оди... одиннадцать!

— Всего одиннадцать? — поморщился владыка мира, и его стражи презрительно фыркнули.

— Одиннадцать сотен! — мигом выкрутился опытный торгаш. — И у них у всех были пушки! Мои воины дрались, как снежные барсы с гор Гиндукуша, каждый из них убил по сто казаков, но силы были слишком не равны...

— А ты?

— А я убил целых двести!

— Не, я не про эта. — Султан Халил приподнял зад, давая возможность визирю быстренько взбить пуховые подушки на троне. — Пачему ты геройски не погиб в бою за мой гарем?

— О, сотрясатель основ и феникс милосердия, а кто бы тогда принёс тебе эту печальную весть? — Бекул-ага вновь пустил фальшивую слезу, избегая смотреть владетелю в глаза. — О мои бедные девушки, как они рыдали, как рыдали, понимая, что злая судьба отнимает у них единственный шанс лицезреть великого из величайших! Неужели за мой скромный подвиг мне не будет никакой, даже самой ничтожной, награды, э?

Тиран задумчиво переглянулся с визирем и помянул его пальцем.

— А ты рассказывай, рассказывай... Слушай, эта кто такой?

— Работорговец и поставщик невольниц в султанский гарем, — шёпотом напомнил визирь.

— Уважаемый человек?

— Не очень...

— Отлично! — даже захлопал в ладоши султан. — Тащи сюда шкатулку. Щас на нём пробовать будем. Э-э, пачтеннейший, ты всё мне рассказал, да? Ничего не утаил, не абманул меня?

— Как можно, о столб света и венец многобрачия?! Я верный раб моего господина!

— Тагда гатовься, мы тебя мала-мала награждать будем.

— О Всевышний, сегодня праздничный день! Великий султан хочет осенить меня своей щедростью? — обомлел Бекул-ага, поскольку, честно говоря, не очень-то верил, что ему хоть что-то обломится. — Как кладезь мудрости узнал, что завтра я уже совсем умру с голоду, и кто же тогда возложит на себя почётное бремя поставлять новых рабынь в твой гарем...

— Слушай, я сам дагадался, да, — утомлённо зевнул владыка. — Мы всё панимаем, плахие казаки, подлое нападение, нет, какие они все мерзавцы, э... Нехарошие люди, зачем так паступили? А ты хароший! Ты ради маих новых наложниц и жён прошёл через все лишения?

— Да, да...

— Через эти жуткие испытания?

— Вай мэ...

— Всё это ради того, чтобы твой гаспадин узнал, что покусились на его рабынь? Именно паэтому ты ещё жив, да? — уныло спрашивал султан, меж тем как по-

доспевший визирь с поклоном доставил ему серебряный ларец. — Пачему так долго? Видишь, человек ждёт, абижается, наверна?!

— Не, не, не, заступник справедливости, я не в обиде!

— Честно?

Бекул-ага чуть не перекрестился в воодушевлении, но вовремя вспомнил, что он в султанате, здесь такое не катит. Поэтому просто покивал...

— Скромный какой, да? Не, ну тут обязательно нада наградить! Нада, и всё! — Владыка Халил самолично открыл серебряный ларец. — Иди сюда!

— Да, мой господин...

— Я тебе окажу величайшую честь. Я тебе такое сделаю, что ещё никому из придворных не делал, мамой клянусь! — Султан достал из ларца странного вида перчатку, больше похожую на человеческую руку, испещрённую шрамами и татуировками. — Но после стольких лишений гатов ли ты принять эту честь? Ты харашо себя чувствуешь? Может, отложим?

— Ни за что! Любой дар наищедрейшего будет для меня великим благом!

— Сам просит! — Султан Халил обернулся к подданным, и все согласно закивали. — Харошо, дарагой! Так ты готов, да?

— Готов, владыка мира!

— Точно готов?

— Да!

— Маладец, э?

— Да-а-а!!!

— Тагда лови! — Коварный Халил выбросил вперёд правую руку с перчаткой, и с его ладони сорвалась зелёная молния!

Один миг — и от хитрого работорговца осталась только кучка пепла, осыпавшаяся в упавшую одежду. Исчез бедолага в зелёной вспышке, даже вякнуть на

прощанье не успел. Ну да туда ему и дорога, никчёмный был человечиска, непорядочный, без него лучше...

Едкий смрад заволок всю залу, а многоопытная челядь изобразила радостный восторг, на деле кривясь и стараясь хоть как-то спрятать нос под мышку. Кто-то чихал, кто-то склонялся в нижайшем поклоне, кто-то громче всех хвалил великую милость султана, главное, чтоб самому не попало...

— Слушай, а какая хорошая вещь, а? — восхищённо рассматривая волшебную перчатку, вскрикнул султан Халил. — Не зря мы купили кожу с руки абиссинского колдуна, работает же, э?! А теперь быстро пазовите ко мне воеводу! Пажалуйста, да?

Визирь, видевший, что произошло с Бекул-агой, рысью сорвался с места и сломя голову кинулся исполнить приказ владыки. А тот поманил пальцем кальящика и прилёг парить в стране ароматов. Это только кажется, что кальянное курение безобидное, но подсаживаются на такое дело быстро и курят каждый раз что вкуснее, а вкуснее даров Чуйской долины ещё нигде на Востоке не придумали. Так что оставим, братцы, эту заразу тягучую для эмиратов да султанатов, а нам свежий воздух дороже и полезительнее...

В то время воевода, бог знает, как его там по батюшке звали, во внутреннем дворе охрану тренировал. Внешне он был мужчина видный, высокий, с бородой, лысый как коленка, мускульно силён до жути и глаза такие даже страшные...

Стоит воевода посреди двора, ятаганом иранским импортным поигрывает. Вызывает себе супротивников, да что-то мнутя стражники, под тумачи лезть кому охота?

— Так, ты, ты и вот ты! Нападайте!

— Смилуйся над нами аллах, — пробормотали бедные стражники, взялись за копья и кинулись на воеводу.

А он над ними словно измывается, на одном месте пританцовывая. Тут ускользнёт, там пригнётся, да и ятаганом так небрежно полоснёт по руке, по ноге, вот уж и лежат все трое с копьями переломанными, кровью обливаются.

— Глупцы! Труссы! Бездельники! — В последний момент взлетел ятаган в грозной руке и...

— Великий султан Халил призывает своего верного воеводу!

Только это и спасло зажмурившихся воинов от верной смерти. На приказ султана бегут со всех ног, медлить нельзя, будь ты хоть трижды герой Арабских Эмиратов и самый страшный воин во всей Персии. Сплюнул наземь воевода, огорчился искренне, что не успел три души загубить, и пошёл быстрым шагом к владыке. Надо ж узнать, чего ему понадобилось? Может, в поход военный пошлёт, а может, и просто прямо сейчас прирезать кого-нибудь, благо как раз настроение подходящее...

Пробежался он по мраморным ступеням, растолкал челядь дворцовую лизоблюдствующую, развеял перед собой дым вонючий кальяновый и на одно колено перед султанским тронном упал:

— Повелитель звал меня?

— А? Что? Кто эта, я не понял, э...

— Твой верный воевода, о владыка! Я прибыл по твоему первому слову! Прикажи мне убить всех врагов, и я залью их кровью все города, на которые падёт тень твоего гнева!

— А-а... это ты. — Султан выплюнул мундштук кальяна, зевнул и с трудом сосредоточился на деле. — Слушай, такое дело... Абидели меня.

— Кто посмел?! — вскочил воевода, как бы в порыве праведной ярости хватаясь за рукоять ятагана. Тоже, видать, театральщиной не брезговал, перед вышестоящим себя показать всегда умел ненавязчиво...

— Значит, так. Бери своих лучших воинов и сабрайся в поход. Казаки совсем стыд потеряли, напали на мой караван! Новых рабынь отобрали, представляешь?

— Они пожалеют об этом, повелитель!

— Э, канечно, пожалеют, мы же им отомстим страшной мезтью! Ты меня знаешь, я такие вещи не спускаю. Но! Как только закончишь там всех убивать, не забудь набрать мне их женщин. Много не нада, штук десять — двадцать. Ну там пасимпатичнее посмотри, на свой вкус. Гаварят, в казачьих станицах очень красивые девушки...

— Приведу всех до единой, — гнусно усмехнулся воевода, но султан его поправил:

— Не-э, всех не нада. Ты пасматри, чтоб не было там толстый-молстый, кривой-мривой и чтоб бюст не нулевого размера, да? Всё понял? Иди давай, не томи, у меня и так гарем пустой...

Пока владыке подносили новый кальян, воевода тихо, с поклонами, начал сваливать, пятясь к дверям. Восточная традиция, если у тебя неуправляемое начальство с психическим креном на всю чалму, задом к нему не оборачивайся, мало ли...

— Я исполню приказ величайшего!

— Маладец, маладец, — пробормотал султан Халил и вдруг, вспомнив что-то важное, хлопнул себя по лбу: — Эй, визирь! Напомни точно, когда мы изволили казнить свой гарем?

— Ровно неделю назад владыка дня и ночи раскрыл заговор недостойных женщин, помышлявших о смене очерёдности и недозволительном женском оргаэ...

— Да, да, харашо, дальше я сам! Вот слышал, дара-

гой мой воевода, неделю назад! А две недели уже будет савсем-савсем вредно для моего организма. Так что у тебя есть шесть дней. Нет, лучше пять. Ну ты всё панимаешь, да? Если не успеешь, или девушек не найдёшь, или что-то там не так пойдёт, не знаю, э-э... Ты тогда лучше сам себя где-нибудь тихо зарежь.

— Да, владыка. Я всё понял, — покорно кивнул опытный воин, и впрямь прекрасно понимая, что за этим толстым волонтаристом не заржавеет...

А султан басурманский поудобнее на широком троне улёгся, всех разогнал, вроде придремнуть собрался, да как-то всё не убаюкивался. Поэтому решил он позвать своего верного убаюкивателя, главного придворного льстеца и восхвалителя, ибо сладкие слова великой силой обладают. Хоть хвала и не халва, но действует безотказно: и настроение поднимает, и самооценка не падает...

— Бирминдулла! Бир-мин-дулла!!!

В одну минуту из-за ковров да занавесей выбежал ловкий старичок в дорогом халате и чалме — сам с седой бородой до пояса, глаза хитрые, и хоть прихрамывает этак на левую ногу, но двигается быстро.

— Я здесь, о властитель Вселенной и всех межгалактических планетарных систем!

— Вай, какие мудрые слова... Давай скажи уже про меня что-нибудь, никак уснуть не могу.

— Все знают, что даже солнце на небе, рыбы в воде, звери в лесу, люди и животные — все они существуют в этом мире лишь благодаря неизмеримой милости нашего повелителя! — звонким и торжественным голосом начал старичок, а недовольные морщинки на лбу султана Халила быстро разгладились. — Им любуются луна и звёзды, ибо они от рождения лишены такой неземной красоты! Да и есть ли кто, могущий сравниться с величайшим и уникальнейшим в уме, в силе, в храб-

рости, в богатстве и красноречии, спрашиваю я? И не нахожу ответа! Ибо как же можно объять необъятное, постичь непостижимое, оценить неоченимое и осознать неосознаваемое...

В общем, и пяти минут не прошло, как под водопадом лести тиран Халил положил подушку на подлокотник трона, устроился поудобнее, скинул тапки с загнутыми носами и задремал, сладко посапывая, как избалованный ребенок.

Тут мы его и оставим, а усталый Бирминдулла, убедившись, что султан спит, так же тихо прихрамывая, исчез в потайной двери за пакистанским ковром. Боясь потревожить венценосный сон, все вели себя тихо, как положено. Не вовремя разбуженный повелитель страшен в гневе, так что дураков нет...

Наверное, поэтому никто и не обратил внимания на то, как из одного маленького оконца вылетел белый голубь. Да и что его замечать, мало ли голубей кружит над дворцом в синем небе? Но этот кружить не стал, полетел стрелой в сторону далёкого севера...

Много ли времени прошло, мало ли, мы в голубиной скорости несведущи. А только в свой срок и час сел голубь на знакомую голубятню не где-нибудь, а аж в самом стольном Санкт-Петербурге. И подошёл к нему специально отряженный чиновный служащий, на руки взял, нитку на лапке распутал да секретное донесение на записочке малой добыл. В тот же день побежал он с докладом к начальству, те к своему, и вот уже идёт шагами быстрыми молодой да стройный царский адъютант к нашему государю императору, важнейшую информацию с голубиной почтой под мышкой, в папочке, держит...

А русский царь в это время в своём кабинете скучал. Не то чтоб ему там одиноко было, с генералом да по-

слово, совсем даже наоборот, просто дело уж больно неприятное — о своих же подданных гадости выслушивать. Но куда денешься, скандал-то международный! Вот и стоит перед государем французский консул, нотой протеста машет, без акцента ругается, без совести врёт:

— Вследствие вышеизложенного инцидента посольство великой Франции выражает свою крайнюю озабоченность произошедшим. Мы вынуждены убедительно просить ваше величество незамедлительно вмешаться, дабы остановить эскалацию прямого насилия в отношении свободных граждан Франции и сопредельных европейских государств!

Адъютант в двери тихонько проскользнул и к генералу седому рядышком пристроился. Сам на царя косит, а генералу на ушко шепчет:

— Из-за чего сыр-бор? Чего лягушатник так разоряется?

— Жаловаться пришёл, — так же шёпотом ответил генерал в усы.

— На кого сегодня?

— Да всё на того же... Ох, боюсь, в этот раз дело каторгой закончится!

— А-а, понятно, снова на атамана астраханского шишки сыплются.

— Так ведь он сам виноват по совести-то. Угораздило ж подраться с якобинцами...

А консул французский всё не успокаивается, свою линию гнёт, на гильотину парижскую намекает, чуть ли не военным вторжением в ответ грозит, хамло провансальское...

— Мы нижайше просим участия вашего величества в законном разрешении сложившейся ситуации и самого сурового наказания виновных! То есть, пардон, виновного!

— Хорошо, барон дю Валон, мы разберёмся, — устало выдохнул царь, краем глаза поглядывая на часы.

— Не смею больше отнимать времени у вашего величества, — подчёркнуто официально поклонился француз и откланялся. — Всего наилучшего!

Вышел консул гордо, ни на кого не глядя, а государь генерала и адъютанта пальчиком поманил.

— Ну что, всё слышали?

— Ток точно, ваше величество.

— Тогда как это понимать? — начал постепенно заводиться наш царь-батюшка, ибо нервы его были на пределе. — Выходит, наш казачий атаман совсем распоясался, что послам иноземным вместо «здрате» морды бьёт? Может, ему жить тут вольготно стало? Так я ему мозги-то быстро вправлю!

— Воля ваша, государь.

— Где этот бузотёр?

— На гауптвахте, — вытянулся в струнку адъютант. — Как и всегда...

Царь аж пятнами красными пошёл от гнева праведного, но тут двери в кабинет распахнулись, и вошла матушка царица. Адъютант с генералом сразу кланяться, она им кивает эдак приветливо. Государыня у нас в сказке происхождения австрийского, поэтому говорит чуток акцентированно, но всё понятно, чай, не первый год в России, выучилась, что к чему...

— Александер, свет мой, ты не забыть о приёме в честь годовщины моей-твоей-нашей внучка?

— Помню, душечка, помню, — нежно улыбнулся ей царь.

— И ещё, милый, ко мне на аудиенц-приём весьма настойчиво просится супруга французского посла. Право, я не знаю, что там за беда? Принимать или нет, удобно ли?

КАЗАЧЬИ СКАЗКИ

КАК КАЗАК С ВЕДЬМОЙ РАЗБИРАЛСЯ

В одном селе жила-была ведьма. До определённого времени — видная баба, всё при ней — и фигура, и хозяйство, и прочие полезности. А как встанет не с той ноги, так просто жуть — людей ела ровно курёнков каких. Так что стал народ на селе замечать неладное. Однако прямых улик ни у кого нет, хотя люди по-прежнему исчезают.

Раз гуляли парень с девицей по переулочку. Глядит на них ведьма из-за занавесочки и думает: как бы девицу съест? На двоих сразу не нападёшь... Вот и разбросала она на дорожке горсть бусин. Ясное дело, как девушка первую бусину заприметила — бух на колени и давай собирать, а хахаль, чтоб зазнобушке угодить, вперёд забежал и там собирает. Ведьма бочком, бочком к девице и говорит:

— Вот мой дом, заходи — сколь хошь бус подарю.

Та сдуру и пошла. На её счастье, успел парень заметить, как у одной хаты калиточка хлопнула. Дособирает он бусины, подошёл и в окошко глядит. Ну, ведьма ввела девицу в горницу, а там кости человеческие так на полу и валяются. Девка, ясное дело, сперва в визг, потом в обморок. Ведьма её на стол положила да за ножом пошла.

Парень не промах, смекнул, что к чему, подошёл к дверям, постучал хорошенько и бегом к окну. Пока ве-

дьма дверь открывала да кумекала, ктой хулиганит, парень в окно влез, девицу на плечо и бежать. Увидала ведьма, выругалась матерно и в погоню!

Парню тяжело, он же на своих двоих, да ещё и дуру эту тащит. А ведьма бодренько бежит, ноги так и мелькают. Чувствует, что догоняет, так и руками загребать стала. Понял парень, что не уйдет. Развернулся, сжал кулаки. Девица очухалась и опять в обморок бухнулась. В тот же миг ведьма на парня и бросилась. Он руками, а она клыками. Рычит по-волчьи, когтями одежду рвёт, вот-вот до горла доберётся.

В ту пору шёл мимо казак. Штаны синие, лампасы красивые, ремень скрипучий, сапоги блестящие, на боку шашка, на голове фуражка — красавец-мужчина!

Глядит, в пыли на дороге смертный бой идёт. Смикнул он, что к чему, выхватил шашку, а куда рубить? Они ж так быстро катаются — где чья рука, где нога, не разобрать. Вот тут-то вдруг от натуги юбка на ведьме лопнула, и показался на свет маленький пороссячий хвостик! Изловчился казак да как плюнет ведьме на хвост!

Взвыла она дурным голосом и рассыпалась чёрным пеплом по ветру... Парня с девицей потом обвенчали, честным пирком да за свадебку. Ну и казака пригласить не забыли, уважили.

P.S. Почему ведьмы умирают, если им плюнуть на хвост, я, честно говоря, и сам не знаю... Но эффект поразительный!

КАК КАЗАК С ЧЁРТОМ В ШАХМАТЫ ИГРАЛ

Шёл по улице казак. Людям улыбался, воздухом дышал, усы крутил — моцион, одним словом. Вдруг видит в одном из освещённых окон — столик стоит, а за ним чёрт сам с собой в шахматы играет. Не стерпел казак! Как же это можно мимо живого чёрта пройти и в рыло не заехать? Не по-христиански как-то получается...

Вошёл он во дворик, нашёл дверь, шагнул в прихожую. Ещё раз пригляделся. Всё верно: комната с фикусом, патефон в углу, а за столиком натуральный чёрт в полосатом костюме и штиблетах.

— О, заходи, дорогой казак! По лицу вижу — драться пришёл. И что это у вас за манера такая, чуть где чёрта увидали — сразу в амбицию?!

— Ах ты, нечисть поганая! — говорит казак, а сам уже рукава засучивает. — Да если вас, так через эдак, не бить, то, глядишь, вы всей Россией править вздумаете.

— Ни-ни! — успокаивает чёрт, но двигается так, чтоб меж ними всегда столик с шахматами был. — Зачем нам такой геморрой? Давай-ка лучше в шахматы сразимся. Игра мудрёная, заграничная, всеми военными весьма почитаемая. Сам граф Александр Васильевич жаловал...

— Суворов-Рымницкий! — догадался казак. — Ну

тогда расставляй. Да только ваше рогатое племя просто так не играет — что ставить будем?

— Душу.

— Не нарывайся!

— Понял, понял... — повинился чёрт. — А давай фуражку казацкую. Синий верх, жёлтый околыш, лаковый козырёк! Можно примерить?

— Вот выиграешь, тогда и мерь! — обрезал казачина и покрутил усы. — А ты ставь хвост в мясорубку, если моя возьмёт.

— По рукам!

Засели за игру. Чёрт бутылочку принёс, тяпнули за знакомство и начали.

На десятом ходу у казака меньше половины фигур осталось. Обидно ему рогатому проигрывать, да что сделаешь? Изловчился казак, плеснул себе и супротивнику, а пока чёрт водку пил, взял да и свистнул у него ферзя. А чтоб вражина не заметил чего, он этим ферзем свою стопочку закусил... Через два хода чёрт — тык, мык, где фигура?

— Съел, — честно отвечает казак.

— Не может быть, побожись!

— Вот те крест!

Пожал чёрт плечами, налил ещё. Выпили, опять сидят, думают. Нечистому и невдомёк, что казак вторую стопку его пешкой захрумкал. Зубы крепкие, организм закалённый, главное, чтоб заноза в язык не попала...

— Да у меня здесь пешка стояла!

— Где ж она?

— Ты шельмуешь, казак! Куда пешку дел?

— Съел!

— Врёшь! Побожись!

— Вот те крест — не вру! Съел я её!

Бедный чёрт аж пятнами пошёл. А игра уже не в его пользу. Ход за ходом зажал казак чёрного короля в

угол. Понял чёрт, что проиграл. Добавил для храбрости и попросил:

— Вижу, что подфартило тебе. Но будь человеком, расскажи, на каком ходу ты моего ферзя съел?

— Не помню... — честно закашлялся казак, постучал себя кулаком в грудь и сплюнул горсть опилок.

Посмотрел на него чёрт, подумал, и счастье догадки озарило его лицо.

— Чтоб я ещё раз с вашим братом взялся в шахматы играть — да ни в жизнь! — заключил нечистый и грустно пошёл за мясорубкой...

СОДЕРЖАНИЕ

СОТНИК И БАСУРМАНСКИЙ ЦАРЬ. *Фантастический роман* . . . 7

КАЗАЧЬИ СКАЗКИ

Как казак с ведьмой разбирался	223
Как казак с чёртом в шахматы играл	225
Как казак царевну замуж выдавал	228
Сказ о святом Иване-воине и разбойных казаках	231
Как казак банницу отвадил	234
Как казак графа Дракулу напоил	238
Как казак девицу от слепоты излечил	244
Сотников гарем	248
Как казак на том свете гостил	253
Как казак сироту от свадьбы избавил	257
Как казак студента от пекла спас	262
Как бабы хивинцев отваживали	267
Как чёрт в казаки ходил	273
Память казачья	278